

Чи Илань готов был поклясться своим скейтбордом, что за ту самую минуту перед тем, как толкнуть дверь, в его голове не было ни единой мысли.

Но стоило ему переступить порог, как прежде спокойный, без единой ряби разум сорвался с цепи, словно дикий конь, и понесся во все стороны.

Кондиционер был выставлен на прохладную температуру, по спальне тянуло легким холодом. На кровати царил беспорядок, казалось, ее вовсе не застилали, однако присмотревшись чуть внимательнее, можно было заметить в самом центре одеяла едва заметный бугорок. Он мгновенно сообразил, что внутри прячется девчонка.

Словно прирученный им питомец, она свернулась калачиком под его одеялом и спала без задних ног, терпеливо ожидая его возвращения.

Какое-то время он не мог привести в порядок собственные смутные мысли и тем более не мог описать то сложное чувство, что охватило его в этот момент.

Это ощущение не имело ничего общего ни с раздражением от того, что Гу Пинву вечно сует нос не в свои дела — как это бывало прежде, ни с презрением в духе девчонки помешаны только на глупостях, ни даже с беспомощным вздохом она просто любит липнуть ко мне со своими расспросами. Всегда холодное и рассудительное сердце словно замерло в прохладном сиянии лунного света, отчего весь мир вокруг вдруг показался мягким и нежным.

Всего на миг в его голове промелькнула мысль: то ли она просто поленилась уйти, то ли намеренно дожидалась его возвращения. Но он тут же отбросил её, пройдя через лабиринт сомнений и добравшись до самого искреннего чувства в глубине своей души.

Она ведь... кажется, довольно послушная.

В жизни Чи Иланя подобная оценка звучала крайне редко.

Он сам не заметил, как сделал несколько шагов к кровати.

Малышка, казавшаяся такой покорной, быстро проснулась от приближающегося дыхания, сонно откинула одеяло и открыла глаза.

Длинные волосы водопадом раскинулись по подушке, обнажая гладкий лоб и крошечное личико.

Её чёрные ресницы от природы были кокетливо загнуты, словно у фарфоровой куклы. Глаза оказались светлее, чем у обычных людей, из-за чего взгляд, устремленный на него, приобрел чарующее, соблазнительное выражение — казалось, в нем был невидимый крючок, не позволявший ему отвести глаз. Краснота вокруг глаз и на кончике носа Гу Пинву, след от подушки на щеке и даже кулаки, которые из-за недавнего пробуждения не получалось сжать с прежней силой — всё это невольно выдавало её недовольство тем, что её разбудили.

Она выглядела обиженной и до того мягкой, что у него сжалось сердце.

Он стоял у изголовья кровати, возвышаясь над ней, и, делая вид, что спокоен, пристально всматривался в её лицо, долго храня молчание. Его пальцы, свободно согнутые вдоль бедер, то сжимались, то разжимались, пока он усилием воли усмирал рвущиеся наружу мысли.

А виновница стольких терзаний, сама того не ведая, демонстрировала это выражение лица.

У Гу Пинву ушли все силы лишь на то, чтобы запустить заново собственный мозг, поэтому сейчас ей было некогда размышлять, почему он ни отчитал её за то, что она не идет домой, ни развернулся с недовольным видом и не ушел.

Она приподнялась на постели и попыталась ухватить его за манжету, но тут же отдернула руку и виновато произнесла:

— Не сердись... я сейчас же уйду.

Расспросы, которых она так ждала от Чи Иланя, не последовали.

Тот факт, что она по-прежнему беззастенчиво сидела в его доме, не вызвал у Чи Иланя ни малейшего удивления. Выражение его лица можно было назвать спокойным, и он даже заботливо поинтересовался, ужинала ли она.

Она проспала весь день и уже успела проголодаться так, что живот сводило от голода. Помолчав немного, Гу Пинву смущенно опустила голову:

— Чуть-чуть.

— Переодевайся.

— А?

— Пойдем поедим.

— Не нужно...

Чи Илань уже подошел к двери и, слегка повернув голову, бросил на нее взгляд:

— Я тоже еще не ужинал, просто заодно подкормлю и тебя.

В каждом его слове читалось: я вовсе не собираюсь о тебе заботиться, так что не надумывай лишнего.

Когда они наконец вышли из дома, было уже за восемь вечера. Гу Пинву предсказуемо

получила еще один звонок от Лу Сян, которая допытывалась, где она и когда собирается возвращаться.

На этот раз Гу Пингу честно во всем призналась, и, к ее удивлению, услышав имя Чи Иланя, Лу Сян отреагировала так, будто искренне обрадовалась. — Семья Чи, малыш Цзюль, да? Хороший парень, и характер уравновешенный. Вы в детстве одно время отлично ладили, ты даже целыми днями бегала за ним по пятам и звала братиком...

Гу Пингу сидела как на иголках. Скосив глаза на Чи Иланя и решив, что тот ничего не слышит, она тихонько пожаловалась. Голос её звучал совсем не так, как обычно, и Чи Иланю показалось, будто она капризничает.

Сжимая руль, он подумал: с чего это она вдруг так мило балуется?

— Мама... Зачем ты ворошишь прошлое? Сколько мне тогда было? Слишком маленькая была, ничего не помню.

— Это точно, — благодушно отозвалась Лу Сян. — Жаль только, что потом ты не просто забыла про него, но, стоило тебе подрасти, начала воротить нос при каждой встрече.

Гу Пингу совсем не помнила подобных историй. Поджав губы, она украдкой покосилась на Чи Иланя — как раз вовремя, чтобы застать момент, когда он на светофоре невозмутимо повернул голову и поймал её с поличным.

Она торопливо выпалила:

— Я поем и сразу вернусь... Шестой... Шестой брат сказал, что довезёт меня в целости и сохранности.

— Ничего страшного, если Илань сводит тебя куда-нибудь развеяться. Разве я могу не доверять детям семьи Чи? — не давая ей возразить, добавила Лу Сян. — Передай ему трубку, я хочу кое о чём с ним поговорить.

Не смея смотреть на Чи Иланя, Гу Пингу опустила голову и заговорила чуть слышно:

— Скажи мне, зачем от меня прятаться?

Лу Сян уже давненько не слышала от неё таких капризных ноток, какие обычно бывают у маленьких дочек, и, пребывая в отличном расположении духа, охотно согласилась:

— Ладно-ладно...

Гу Пингу поскорее отделалась ещё пара дежурными фразами и с чувством глубокого облегчения повесила трубку.

Неизвестно, в какой момент машина остановилась у обочины. Заметив мелькнувшие за окном уединённые особняки, утопавшие в зелени платанов, Гу Пингу удивленно спросила:

— Мы здесь будем ужинать?

Чи Илань не ответил. Лишь коротко бросил:

— Каша полезнее, она бережёт желудок.

Попетляв по элитному посёлку, они действительно обнаружили там частный ресторанчик под названием Чаошэнге, специализирующийся на чаошаньской кухне, где фирменным блюдом была каша на курином бульоне в глиняном горшочке.

Свежайшие крабы с икрой, щедро сдобренные гребешками и абалонами — стоило лишь зачерпнуть ложкой. Гу Пингву, которая всегда ела очень мало, здесь уплетала за обе щеки так, что даже вспотела, и совершенно не заметила, как Чи Илань то и дело подкладывал ей в пиалу кашу.

Когда он налил порцию в третий раз, Чи Илань произнёс:

— Последняя пиала.

В памяти еще были живы воспоминания о том, как она наелась рисовых колобков до несварения, поэтому тон его не допускал возражений.

Едва он закончил говорить, Гу Пингву покорно кивнула, но её покрасневшие, пухлые губы невольно надулись, выдавая детское разочарование.

Чи Илань пару секунд смотрел на неё, затем опустил ложку. Его спина почему-то начала гореть, в горле судорожно сглотнулось, и он внезапно спросил:

— О чём говорила тётя?

— Ни о чём. — О такой позорящей её вещи она ему ни за что не расскажет.

— В детстве ты и правда любила крутиться возле меня, — помолчав, небрежно заметил он. — Даже сильнее, чем сейчас.

Поняв, что он всё прекрасно слышал, но прикинулся глупцом, лишь бы заставить её заговорить первой, Гу Пингву то ли почувствовала нелепость ситуации, то ли сообразила, что над ней просто посмеялись. Сжав в пальцах ложку и опустив ресницы, она даже аппетит к стоявшей перед ней каше потеряла.

— Я не помню то, что было в детстве, — с показным спокойствием произнесла она. — Разве ты не знаешь, что у детей до четырёх лет память как у рыбки?

Она и подумать не могла, что её аргумент увёл разговор совсем в другую сторону — ведь Чи Илань зацепился за то, что она «крутилась возле него», а вовсе не за «детский возраст».

— А сейчас? — бесстрастно глядя на неё, тихо спросил Чи Илань, пряча улыбку на самом дне глаз.

— Что сейчас? — растерялась Гу Пингву.

Чи Илань в упор смотрел на неё, а затем вдруг улыбнулся, уголком рта. Гу Пингву ошарашенно вытаращила глаза, но он больше не стал развивать тему, протянул руку и подозвал официанта, чтобы расплатиться.